

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 111.11 + 141.132 + 165

С. В. Данько

СУБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ И ВНЕШНИЙ МИР. АНАЛИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

В работе рассматривается фундаментальный принцип рационалистической традиции, согласно которому «реальность существует независимо от субъекта». Выявляются парадоксальность этого принципа, некорректность основанных на нем концепций истинности или реальности. Анализ позволяет заключить, что идея «внешней реальности» имеет не дискурсивное, а ценностное, этическое содержание.

Ключевые слова: субъект, субъективизм, реальность, достоверность.

Общий принцип рационалистической традиции

В работе «Рациональность и реализм: что поставлено на карту» Дж. Серль провозгласил фундаментальный принцип западной рационалистической традиции, согласно которому «реальность существует независимо от представленный субъекта» [7, 194].

Проблематичность этого принципа хорошо известна: даже в неклассических концепциях не удалось снять проблему познаваемости внешнего мира и ответить на «простой» вопрос: постигаем ли мы в конечном итоге саму реальность или всякое наше знание — субъективная иллюзия?

Вопрос, который в этой связи будет обсуждаться, на первый взгляд не слишком оригинален: что есть субъект, от которого не зависит внешняя реальность? Своеобразие будет заключаться в соотнесении этого вопроса с самим принципом рационалистической традиции. Нас будет интересовать формальная сторона «независимости» внешнего мира от субъекта. Иначе говоря, мы попытаемся вникнуть в те основания рационалистической традиции, которые обычно не рефлексированы.

Итак, рассмотрим общий принцип данной традиции, согласно которому *реальность существует независимо от субъекта познания*.

Этот принцип, очевидно, уточняет специфику реальных объектов, которые не должны «зависеть от субъекта». Тем самым, наряду с реальными объектами такого вида, в рационалистической традиции постулируются нереальные объекты, которые «зависят» от субъекта.

Что представляют собой нереальные объекты, каким образом они «зависят от субъекта»?

В рационалистической традиции принято считать, что нереальные объекты производны от определенных качеств субъекта — восприятия, способности воображения и др. За счет этих качеств возникают, например, иллюзии чувственного свойства, научные фикции и подобные объекты, «существующие только в представлении субъекта» и в этом смысле «зависящие» от него. Понятно, что такие объекты не могут рассматриваться как объекты «реального» мира и не могут составлять содержание достоверного знания.

Но что же представляет собой сам *субъект познания*? Очевидно, рационалистическая гносеология должна отвечать и на этот вопрос, так как нельзя рассуждать о «зависимости» или «независимости» объектов от субъекта, не имея адекватного представления о субъекте и характере упомянутой «зависимости».

Ответ, который дает гносеология рационалистической традиции, казалось бы, прост: субъект познания — это «мы сами». Во всяком случае, термин «субъект» и словосочетание «мы сами» («я сам») употребляются в теориях рационалистической традиции, как правило, в одном значении. Хотя, как ясно из самого принципа данной традиции, под «познающим субъектом» подразумевается нечто отличное от того, что обозначается словосочетанием «я сам» в обыденном языке. Например, очевидной нелепостью было бы считать нереальными подчиненных, которые в некотором смысле зависят от своего начальника, или картину, которая тоже в определенном смысле зависит от создающего ее мастера и т. п. Итак, субъект познания — это не «я сам» в обыденном понимании, а нечто такое, что видит, слышит, осязает объект, наблюдает его, понимает и т. п. Уловить это *нечто* явно непростая задача, и потому насущным будет вопрос: что необходимо знать о субъекте познания, чтобы достичь надежного знания о том, что «зависит» от него, а что «не зависит»?

Очевидно, что *все*. Для того чтобы надежно обосновать реальность познаваемых объектов, рационалистическая концепция обязана охватить все качества субъекта: каждое из них может оказаться тем, от чего объекты «зависят». Также очевидно, что знание о субъекте, т. е. о «нас самих», должно быть достоверным, иначе недостоверными окажутся и сами теории, выстроенные на принципе рационалистической традиции.

Каким образом достигается знание обо всех качествах субъекта?

В гносеологии рационалистической традиции предполагается, что оно дано нам непосредственно, как знание о нас самих (а не о внешних нам объектах) и потому является самоочевидным и безусловным. По этому поводу Г. Райл писал, что, согласно официальной «доктрине», родоначальником которой является Декарт, человек способен контролировать эпизоды «своей собственной при-

ватной истории», складывающейся из событий «ментального характера», доступных человеку «непосредственно и несомненно» [5, 21].

Вообще, идея «самоочевидного» субъекта, способного производить фиктивные объекты, альтернативные «подлинной реальности», начала складываться в эмпиризме Ф. Бэкона и окончательно оформилась в учении Канта. Но основу рационалистической традиции действительно образовал Декарт: поскольку «Бог не коварный демон, расставляющий ловушки нашему легковерию», следует указать иной источник наших заблуждений. В этой связи Декарт утверждает способность самого субъекта к порождению фиктивных, недействительных объектов: «...мы можем обманываться только тогда, когда вещи, в которые мы верим, некоторым образом составлены *нами самими*» (курсив мой. — С. Д.) [3, 122]. Спустя столетие Кант кардинально пересмотрел субъективистские интуиции своих предшественников, обосновал необходимость и общезначимость феноменального мира (не существующего вне и независимо от субъективных форм организации опыта), но сохранил «печать фиктивности» субъективного мира: «вещи, которые мы созерцаем, сами по себе не таковы, как они нам являются, и если бы мы устранили наш субъект или же только свойства наших чувств вообще, то все свойства объектов и все их отношения в пространстве и времени и даже само пространство и время исчезли бы: как явления они могут существовать только в нас, а не сами по себе» [4, 61]. Время, как и пространство, не существует само по себе: «если мы отвлечемся от способа, каким мы внутренне созерцаем самих себя и посредством этого... все внешние созерцания... если возьмем предметы так, как они могут существовать сами по себе, то время есть ничто» [Там же].

Многое со времен Канта было переработано и отвергнуто, однако воздействие субъективизма на современную философию оказалось настолько велико, что даже Рассел, активно критикующий картезианскую традицию на всем ее диапазоне, обнаружил полную солидарность с вытекающим из нее принципом. «Важно заметить, — писал он, — что факты принадлежат объективному миру. Они не создаются нашими мыслями и убеждениями за исключением особых случаев» [6, 8]. Рассел считал это настолько очевидным, что «об этом смешно упоминать» [Там же, 7].

Современная философия предоставляет множество примеров следования субъективистскому принципу рационалистической традиции. В частности, наряду с этим принципом достаточно популярное направление радикального конструктивизма, полагающего мир «конструкцией мозга» [2, 291]. Наглядным примером является также концепция «системных ансамблей» К. Хьюбнера: «нельзя полагать, что свет, в котором мы видим вещи, относится к характеристикам самих вещей» [8, 225]; всякая научная теория по необходимости представляет собой «эфемерное образование». Нет никаких эмпирических свидетельств тому, что «законы все-таки существуют в природе сами по себе», мы не можем обосновать «предустановленную гармонию между тем, что мы вносим в природу, и тем, что в действительности есть» [Там же, 32]. Требовать чего-то большего — «значит считать себя если не Богом, то по крайней мере удостоившимся божественного откровения» [Там же, 225].

Как бы мы ни старались, мы никогда не сможем «перепрыгнуть через свою тень» [8, 216], полагает Хюбнер, и эта метафора весьма удачно выражает общую интуицию классической и современной гносеологии, которой можно с полным правом адресовать вопрос: где начинается и где заканчивается эта «тень» и кто ее отбрасывает? Иными словами: существует ли принципиальная возможность адекватно описать субъект и надежно очертить границы «субъективного мира»?

Наша гипотеза может показаться слишком смелой и категоричной, и все же для нее есть серьезные основания. Состоит она в том, что адекватно охарактеризовать субъект и субъективное в рационалистической традиции логически невозможно. Для обоснования данной гипотезы рассмотрим, как установка на «объективную», «независимую от субъекта» реальность согласуется с самим понятием «субъект».

Парадокс рационалистической традиции

Назовем принцип «реальность существует независимо от субъекта» аксиомой $A(s)$, а соответствующие теории обозначим как $T(s)$. Представим $A(s)$ в более строгом виде: *объект реален, если и только если не зависит от субъекта, т. е. существует независимо от того, существует ли субъект.*

Понятно, что следование этой аксиоме предполагает достоверность всех высказываний, в которых описывается субъект (чем бы он ни являлся). Согласно интерпретации достоверности в $T(s)$ это означает, что сам субъект должен быть реальным, а не фиктивным.

Поставим следующий вопрос: может ли познающий субъект быть зафиксирован во всех своих свойствах как реальное явление?

Если субъект выступает предметом рассмотрения в $T(s)$, то его описание, во избежание внутренних противоречий теории, не должно уклоняться от принятой изначально аксиомы $A(s)$. Следовательно, реальным в рационалистической традиции может считаться лишь такой субъект, который *не зависит от субъекта*, т. е. не зависит от самого себя. Иными словами, в рамках $T(s)$ реальный субъект должен существовать *независимо от своего собственного существования*, что является очевидной бессмыслицей.

Из сказанного следует, что в пределах $T(s)$ нет формальной возможности указать, в чем состоит реальная сущность субъекта. Его свойства и отношения (в частности, к познаваемому объекту) в принципе не могут интерпретироваться как реально существующие, поскольку субъект (как и любой другой мыслимый предмет) существует лишь тогда, когда он сам существует. Иначе говоря, субъект $T(s)$ автоматически попадает в число нереальных, фиктивных предметов, т. е. предметов, которые не существуют независимо от субъекта.

Итак, аксиома $A(s)$ исключает возможность подтвердить или опровергнуть какие-либо высказывания о субъекте и его связи с объектом познания в соответствии с установкой на «реальность», представленной в самой $A(s)$. Согласно этой установке условие достоверного знания о субъекте должно состоять в признании его одновременно *существующим и несуществующим*.

Не исключено, что сказанное напоминает карточный фокус: подставили субъект на место объекта, воспользовались произвольной формулировкой принципа — и субъекта больше нет. Достаточно слегка изменить формулировку или обсудить вопрос о корректности подстановочной процедуры, как все вернется на свои места.

Но если не спешить с выводами и вдуматься в знакомые фразы, такие, как «объективная реальность не зависит от субъекта», «реальность существует сама по себе» и т. д., то покажутся ли они столь же ясными, как, например, выражения «показания водосчетчика не зависят от качества потребляемой воды» или «кошка гуляет сама по себе»? В каком смысле реальность «не зависит» от субъекта? От кого, от чего именно она «не зависит»? И что есть «сама реальность»? На первый взгляд эти вопросы вполне доступны не только философскому анализу, но и элементарному здравому смыслу. Но не тут-то было, здравый смысл пасует при первой же попытке их прояснить.

Это не случайно, так как идея «независимой от субъекта реальности» является результатом сложнейших метаморфоз философской мысли, образовавших эту идею лишь к XVII в. Но сейчас мы стремимся освоить эту идею без учета подводных течений, глубинных метафизических процессов, заострив простой вопрос: может ли человек уловить в себе нечто, от чего в каком-то смысле не зависит постигаемая им реальность? И ясно представить, в каком смысле «не зависит»?

Очевидно, если мы заранее осведомлены о реальности, нам не понадобится субъект для ее уточнения и принцип «независимости» останется по меньшей мере избыточным. Если же мы не знаем, что такое «реальность» и какова она, тогда «реальность» означает для нас лишь «нечто, не зависящее от субъекта». Для более содержательного определения «реальности» необходимо выяснить, что есть «субъект» и как следует понимать принцип «независимости».

Как бы ни решался вопрос о самом «субъекте», «независимость» от него, очевидно, должна состоять в следующем: «реальность» (что бы это ни значило) останется неизменной, если «убрать» субъект (чем бы он ни являлся). Если «субъект» перестанет существовать, то с «реальности» и «волосок не упадет».

Каким же образом возможна «реальность» самого «субъекта», если определение «реальности» достигается исключительно за счет его удаления? Как он может оставаться «реальным», если для фиксации его *собственной* «реальности» мы должны его *полностью* устранить?

Но нельзя ли считать, например, зрение *реальным* способом визуального восприятия, а то, что мы видим, — либо реальностью, либо фикцией? (Фиктивность, скажем, будет связываться с реакцией на некоторые раздражители, например, слишком яркий свет или резкий контраст, приводящий к иллюзиям в восприятии.)

Да, это допустимо, но не в $T(s)$. В естественной интерпретации фиктивность зрительной иллюзии может быть установлена только относительно предварительно принятой реальности. Например, иллюзия «различной» длины одинаковых отрезков расценивается как иллюзия не в связи с тем, что это эффект

нашего восприятия, а в связи с противоположными результатами измерения этих отрезков, которому мы доверяем больше. Для $T(s)$ утверждение о существовании глаза и всей цепи реакций, приводящих к появлению фиктивных визуальных объектов, есть не что иное, как произвольное допущение. Мало того, если зрение счесть свойством «субъекта», то, согласно $A(s)$, придется отрицать его реальность.

Так где же «субъект»? Он *нигде*. Ни «реальным», ни «фиктивным» он не может быть, хотя логически он вроде бы должен стать именно «фикцией», как было показано, но это лишь в том случае, если мы согласны рассматривать его как объект (что, понятно, не спасает положения). В этом смысле мы и скажем, отбросив сомнительный, если угодно, джокер, что субъект есть «ничто», поскольку в универсуме рационалистической традиции он не может быть чем-то.

Субъект познания и естественная интерпретация реальности

Впрочем, авторы теорий рационалистической традиции, как правило, и не пытаются подтвердить высказывания о субъекте в соответствии с общим принципом данной традиции. Достоверность (или видимость достоверности) суждений о субъекте и субъект-объектных отношениях достигается обычно ссылкой на очевидность и естественность наших знаний о субъекте, поскольку он есть не что иное, как человек или «я сам» («мы сами»). Убежденность в естественной данности субъекту его собственных качеств позволяет устанавливать когнитивную связь между субъектом и объектом, состоящую в наличии или отсутствии каузальной зависимости между субъектом и объектом.

Однако ясное представление человека о самом себе не может включать представление о каузальной зависимости между субъектом и *фиктивным* объектом (напомним, все зависящие от субъекта объекты считаются в $T(s)$ фиктивными). Содержание суждений, организованное в соответствии с аксиомой рационалистической традиции, не может быть извлечено из данных естественного опыта, так как представленное в них отношение субъекта к фиктивному объекту не соответствует способам естественной интерпретации предметов и предметных связей.

В естественной интерпретации, как известно, отрицание следствия (что равносильно в рационалистической традиции указанию на недействительность «производимого» субъектом объекта) требует отрицания основания, что означало бы отрицание действительности субъекта познания. В рационалистической традиции, несмотря на то, что объект, производный от познающего субъекта, считается фиктивным, сам субъект, очевидно, полагается реальным.

Учитывая нормы естественной интерпретации, суждение о том, что нечто реальное порождает «нереальное», то, чего нет в действительности, следует считать результатом неправильного употребления языка или неосмысленным выражением. Недействительный объект не может иметь действительную причину, однако субъектная интерпретация $T(s)$ неявным образом включает такой объект в *реальные* каузальные отношения с реальным субъектом.

Такие отношения могут, конечно, быть представлены в *вымышленном* сюжете, в который вписан некий действительный персонаж, фигурирующий в каче-

стве причины вымышленного предмета. Возможна, например, фантазия на тему изобретения машины времени Ньютоном. В таких случаях «произведенный» предмет условно полагается существующим, но при этом известно, что в действительности нет ни его, ни каузальных отношений, в которые он включен.

С другой стороны, кажется очевидным, что именно человек является причиной воображаемых объектов, поскольку *он* их изобрел. Однако эта «очевидность» достаточно проблематична: если дракон или русалка не существуют в реальности, то нельзя говорить о какой-либо реальной причине их существования.

Так обстоит дело и в случаях *заблуждения* относительно реальности каких-либо объектов. Если, например, некто ошибочно полагает, что «в настоящий момент идет дождь», нелепо считать его «причиной» дождя, которого нет. Нельзя также сказать, что субъект является причиной недействительности этого события, поскольку такое выражение может быть правильно понято только в смысле «субъект уничтожил дождь», т. е. явился причиной, сделавшей факт «дождь идет» недействительным (разогнал облака). Корректным основанием для отрицания суждения «в настоящий момент идет дождь» выступает другое суждение, несовместимое с данным, но не ссылка на субъект как необходимое условие дождя. Это выполняется и в отношении научных теорий, недостоверность которых может устанавливаться относительно альтернативных теорий, а не относительно субъекта научной деятельности.

Итак, мы убедились в том, что корректное утверждение (как и отрицание) зависимости объектов от реального субъекта возможно лишь для *реальных* объектов: всякий «зависящий» или «независящий» от субъекта объект должен быть реален. Сам вопрос реальности объектов достоверности знания не может и не должен решаться за счет выявления наличия или отсутствия зависимости реальности от субъекта.

«Внешняя реальность» не фактична

Наиболее радикальный пересмотр развитого в рационалистической традиции мировоззрения осуществил в XX в. философ-аналитик Л. Витгенштейн. В «Логико-философском трактате» он явным образом вывел субъект за пределы всего, что «имеет место». В результате субъект (философское «я») оказался «границей, а не частью мира» [1, 5.641].

Подобное преобразование идеи субъекта мы встречаем и в других философских системах XX в. Очевидно, выявленные противоречия рационалистической традиции не сводятся к случайной логической ошибке. То, что мы выделили как парадокс, скрывает глубокую метафизическую суть новоевропейского рационализма. С этой точки зрения выявленные алогизмы могут быть отнесены к ядру «майевтики», осуществляемой на протяжении нескольких столетий.

Поэтому уточним теперь, что наша задача заключалась лишь в демонстрации того, что для субъективизма и сопутствующего ему скептицизма (субъективистского толка) нет формально-логических оснований. Однако те же подходы и принципы имеют глубочайшие метафизические основания, обсуждение которых выходит за рамки данного исследования.

Единственный вывод, который стоит пока учесть: философская идея так называемой «внешней», «объективной» реальности не подчиняется законам классической логики и не может быть выражена в языке. «Внешняя реальность» субъективизма не может совпасть с фактической реальностью, альтернативной иллюзиям и заблуждениям обыденного опыта (этому вполне соответствуют размышления Декарта о божественном происхождении «врожденных идей», идеи Канта о ноуменальном абсолюте и т. п.). Склонность новейшей европейской философии к вербализации и десакрализации божественной сферы привела к тому, что метафизическое, сакральное «внешнее» стало регулярно пониматься как эмпирическое, мирское. Знакомство с работами Витгенштейна позволяет представить «внешнее» как этическое, как невыразимую сферу абсолютной ценности.

-
1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958.
 2. *Глазерсфельд Э. фон* Введение в радикальный конструктивизм // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен, 2000.
 3. *Декарт Р.* Соч. : в 2 т. М., 1989. Т. 1; М., 1994. Т. 2.
 4. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994.
 5. *Райл Г.* Понятие сознания. М., 2000.
 6. *Рассел Б.* Философия логического атомизма. Томск, 1999.
 7. *Серль Дж.* Рациональность и реализм: что поставлено на карту. М., 1994.
 8. *Хьюбнер К.* Критика научного разума. М., 1994.

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2011 г.